

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

ОТЧЕТЪ

О

СОРОКЪ ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

26 СЕНТЯБРЯ 1907 ГОДА

ИМПЕРИЯЛЬНЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ С. В. ОЛЬДЕНБУРГСКИМЪ.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ 1906 году было представлено 15 авторами 18 сочиненій, изъ которыхъ два были сняты авторомъ съ конкурса.

Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ и оцѣнки ихъ была избрана Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ академиковъ А. А. Шахматова, Н. П. Кондакова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Ламанскаго, А. И. Соболевскаго, Е. Е. Голубинскаго и адъюнкта М. А. Дьяконова.

Озвачившись съ представленными на конкурсъ работами и съ рецензіями на нихъ, Коммиссія признала заслуживающими большой награды труды Ю. В. Готье: „Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ наслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси“, Москва. 1906, и И. В. Покровскаго: „Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое

и экономическое изслѣдованіе“, Казань. 1906, при чемъ было постановлено раздѣлить большую награду на двѣ: одну, въ 1000 р., предоставить Ю. В. Готье, а другую, въ 500 р., — И. В. Покровскому.

Малыя же награды, по 500 р. кажда, присуждены Комиссіею: Н. В. Чарыкову за его трудъ „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694)“. С.-Пб. 1906, и А. С. Орлову за работы: а) „Оказочныя повѣсти объ Азовѣ. „Исторія“ 7135 года. Изслѣдованіе и текстъ“, Варшава. 1906 (отд. отт. изъ журн. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“) и б) „Историческія и поэтическія повѣсти объ Азовѣ (взятіе 1637 г. и осадное сидѣніе 1641 г.). Текстъ“. Москва. 1906.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, за недостаткомъ денежныхъ наградъ и въ виду несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ нѣсколькихъ, кромѣ выше указанныхъ, работъ, Комиссія признала заслуживающими почетныхъ отзывать труды: 1) профессора М. С. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Изданіе второе, дополненное, С.-Петербургъ. 1906; 2) профессора И. И. Соколова: „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія“. Томъ I, С.-Петербургъ. 1904; 3) священника В. М. Металлова: „Богослужбное пѣніе Русской церкви. Періодъ домонгольскій. Часть I и II, съ приложеніемъ 9 таблицъ (Facsimile) снимковъ съ рукописей X—XI—XII вв.“, Москва. 1906; 4) священника М. Попова: „Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій“, С.-Петербургъ. 1905; 5) П. М. Майкова; „Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 1826—1882“, С.-Петербургъ. 1906 и 6) М. М. Бородкина: „Война 1854—1855 гг. на Финскомъ побережьи. Историческій очеркъ. Съ 127-ю иллюстраціями“, С.-Петербургъ. 1904.

И. Ю. В. Готье. „Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси“, Москва. 1906.

Разборъ этого труда принялъ на себя адъюнктъ М. А. Дьяконовъ.

Въ предисловіи къ своему обширному труду авторъ указываетъ, что его изслѣдованіе „посвящено изученію исторіи сельскаго населенія, землевладѣльческихъ отношеній и сельскаго хозяйства въ XVII в. Задача, которую онъ себѣ поставилъ, казалась особенно близко стоящей на очереди, какъ по важности затронутыхъ вопросовъ и ихъ малой разработкѣ въ отношеніи XVII в., такъ и потому, что эти вопросы по отношенію къ предшествовавшему времени, т. е. къ XVI ст., какъ разъ уже получили посильное, въ зависимости отъ первоисточниковъ, разрѣшеніе“. „Здѣсь имѣется въ виду — говоритъ рецензентъ — конечно, трудъ Н. Рожкова: „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“, продолжить который для XVII в., хотя и въ суженныхъ территоріальныхъ границахъ, поставилъ своей задачей г. Готье“.

Компетентный критикъ сочиненія г. Рожкова, В. О. Ключевскій, призналъ немаловажнымъ пробѣломъ книги отсутствіе въ ней предварительнаго критическаго обзора писцовыхъ книгъ и не только въ смыслѣ общаго вопроса о степени ихъ достовѣрности, но „спеціальной технической установки способа, какъ слѣдуетъ ихъ читать и понимать, чтобы пользоваться ими, какъ источникомъ для исторіи народнаго и именно сельскаго хозяйства“.

Въ устраненіе подобнаго пробѣла авторъ разбираемаго труда предпосылаетъ изслѣдованію намѣченныхъ имъ вопросовъ обзоръ основныхъ источниковъ изслѣдованія, именно писцовыхъ и переписныхъ книгъ. Этой темѣ посвящена глава первая книги (стр. 1—168). Въслѣдъ за бѣглымъ обзоромъ литературныхъ трудовъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, П. Н. Милюкова, И. Н. Миклашевскаго, Н. А. Рожкова и Г. Н. Шмелева, положившихъ основаніе критическому изученію этого вида источниковъ, авторъ переходитъ къ подробному обзору сохранившихся писцовыхъ и переписныхъ книгъ 37 Замосковныхъ уѣздовъ (стр. 7—75), подробнѣе останавливаясь на описаніяхъ Московскаго уѣзда, при чемъ, резюмируя обзоръ описаній уѣздовъ, авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя общія наблюденія по поводу производившихся описей.

Слѣдующій отдѣлъ главы первой посвященъ изслѣдованію

тѣхъ условій, при которыхъ писцамъ и переписчикамъ приходилось составлять порученныя имъ описи (стр. 75—127). Авторъ признается, что онъ не располагаетъ новымъ матеріаломъ, который могъ бы дополнить достаточно освѣщенные А. С. Лаппо-Данилевскимъ вопросы: о порядкѣ снаряженія писца въ столицѣ и снабженіи его всѣми нужными документами; о прибытіи на мѣсто, объ отношеніи къ воеводѣ и населенію; объ участіи выборныхъ представителей населенія въ работѣ писцовъ и пр. (стр. 78). Все свое вниманіе г. Готье сосредоточилъ на вопросѣ о той роли, какую приходилось играть писцамъ и ихъ сотрудникамъ, въ лицѣ товарищей и подьячихъ, на мѣстахъ ихъ дѣятельности.

При этомъ рецензентъ отмѣчаетъ, что автору вообще не удалось прибавить какія-либо новыя данныя относительно порядка составленія переписныхъ книгъ къ тѣмъ даннымъ, какія сообщены въ любопытной статьѣ Г. Н. Шмелева („Журн. М. Н. Пр.“ 1898, № 7), хотя нѣкоторыя такія подробности, по мнѣнію рецензента, могли бы быть отмѣчены.

Послѣдній отдѣлъ (IV) главы первой посвященъ анализу главнѣйшихъ группъ извѣстій, заключающихся въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, одѣнкѣ сравнительной цѣнности этихъ извѣстій и объясненію нѣкоторыхъ специальныхъ терминовъ. „По многообразію и сложности — говоритъ рецензентъ — иные изъ затронутыхъ здѣсь вопросовъ могли бы послужить самостоятельными темами для обширныхъ монографій. Но авторъ могъ удѣлить всѣмъ этимъ темамъ не болѣе 40 страницъ (стр. 127—168). Мудрено ли, что ему неизбежно пришлось во многихъ случаяхъ ограничиться лишь краткими замѣчаніями и указавіями и отказаться отъ подкрѣпленія ихъ необходимыми документальными данными? А при такихъ условіяхъ многое можетъ вызвать сомнѣнія и недоумѣнія читателей“.

Сравнительно небольшая вторая глава изслѣдованія (стр. 169—207) посвящена обзору территоріи края и ея историческому значенію. Помимо общахъ замѣчаній о важномъ историческомъ значеніи этой исконной территоріи Московскаго государства и о природныхъ ея условіяхъ, авторъ останавливается въ этой главѣ

на областномъ дѣленіи края и пыгается разрѣшить вопросы о происхожденіи волостей, становъ и уѣздовъ.

Детально разбирая содержаніе этой главы, адъюнктъ М. А. Дьяконовъ отмѣчаетъ неудовлетворительность, на его взглядъ, употребляемыхъ авторомъ приѣмовъ пересмотра этихъ вопросовъ и полемизируетъ съ нимъ по существу его выводовъ.

Глава третья посвящена вопросу о тѣхъ слѣдствіяхъ, какія оставило послѣ себя смутное время (стр. 208—256). Къ имѣющимся уже въ исторической литературѣ картинамъ разоренія, какое испытала страна въ первую четверть XVII в., авторъ прибавилъ нѣсколько весьма характерныхъ чертъ, главнымъ образомъ на основаніи писцового матеріала.

Особенно цѣнны составленныя авторомъ сравнительныя таблицы о состояніи хозяйствъ по количеству обрабатываемой пашни и перелога и по числу крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и дворовъ пустыхъ.

Вторая, большая половина изслѣдованія г. Готье посвящена изученію хозяйственной исторіи Замосковья съ конца 20-хъ годовъ XVII в. до конца этого столѣтія. Обширный, изученный авторомъ, матеріалъ сгруппированъ въ трехъ отдѣлахъ: въ первомъ излагаются вопросы о населеніи, во второмъ — о землевладѣніи и въ третьемъ — о сельскомъ хозяйствѣ, сельской промышленности и торговлѣ. Каждому изъ этихъ отдѣловъ посвящена особая глава, — съ четвертой по шестую включительно. „Безспорно болѣе цѣнная и интересная, эта часть изслѣдованія, говоритъ рецензентъ, все же вызоветъ у читателя не мало недоумѣнныхъ вопросовъ“.

Въ четвертой главѣ — о населеніи (стр. 257—319) — г. Готье прежде всего ставитъ вопросы о ростѣ населенія съ 20-хъ по 80-е годы и объ общемъ его числѣ за это время въ Замосковномъ краѣ, при чемъ авторъ, по мнѣнію рецензента, „вовсе не обосновалъ своего заключенія о значеніи цифръ населенія по писцовымъ книгамъ 20-хъ годовъ. А при такихъ условіяхъ сравненіе этихъ цифръ съ цифрами населенія по переписнымъ книгамъ лишено всякаго значенія. Быстрый ростъ населенія за XVII в. мо-

жетъ оказаться лишь простымъ недоразумѣнiемъ, какъ и другіе еще болѣе важные выводы автора, построенные на томъ же необоснованномъ сравненіи“.

Второй вопросъ, поставленный авторомъ въ четвертой главѣ, касается общей численности населенія Замосковья. „Поскольку онъ рѣшается на основаніи итоговъ переписныхъ книгъ 1678 г., авторъ стоитъ — по мнѣнію рецензента — на твердой почвѣ. Но даже и здѣсь у читателя могутъ возникнуть неясности и недоразумѣнія. Авторъ говоритъ, что, „сложивъ число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ тѣхъ 30 уѣздахъ, по которымъ данныя переписи 1678 г. сохранились, получаемъ приблизительную круглую цифру около 800.000 душъ мужского населенія (стр. 266—267). Итакъ, онъ вычисляетъ количество населенія по количеству дворовъ. Жаль, что онъ не сообщилъ точной суммы числа дворовъ и приема перевода этой суммы въ сумму населенія“.

II отдѣлъ главы четвертой выясняетъ для XVII в. подробности стариннаго колонизаціоннаго движенія населенія изъ центральныхъ областей Московскаго государства на югъ и въ Поволжье.

Въ отдѣлѣ III той же главы разсматривается обратное теченіе населенія въ Замосковье изъ другихъ областей, преимущественно изъ-за рубежа по западнымъ границамъ, при чемъ авторъ подобралъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ о поселеніи литовскихъ полонныхъ людей и выходцевъ, особенно съ 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Въ главѣ пятой разсмотрѣнъ вопросъ о судьбахъ разныхъ видовъ землевладѣнія въ XVII в. Исторія каждаго вида землевладѣнія изложена въ особомъ отдѣлѣ этой главы, которая является едва ли не самой интересной въ книгѣ.

Отдѣлъ I посвященъ исторіи дворцоваго землевладѣнія.

Во II отдѣлѣ отмѣчена въ краткихъ чертахъ трагичная судьба чернаго волостного землевладѣнія въ областяхъ Замосковья.

Въ III отдѣлѣ излагается исторія землевладѣнія духовныхъ властей и монастырей.

Отдѣлы IV и V посвящены исторіи служилаго землевладѣнія.

Послѣдняя глава изслѣдованія г. Готье посвящена чрезвычайно интереснымъ, но крайне тонкимъ и сложнымъ вопросамъ о сельскомъ хозяйствѣ и сельской промышленности и раздѣляется на четыре отдѣла. Здѣсь авторъ касается техники сельскаго хозяйства и трактуетъ о формахъ и размѣрахъ сельскохозяйственнаго производства, при чемъ второму отдѣлу предпослана обширная таблица о хозяйствѣ отдѣльныхъ имѣнй, потребовавшая отъ автора огромнаго труда, но не создавшая для него увѣренной почвы въ его выводахъ. Авторъ это самъ знаетъ и нерѣдко своимъ выводамъ предпосылаетъ оговорки, отнимающіе у выводовъ серьезное значеніе.

„Въ результатѣ своего обзора труда Ю. В. Готье — заканчиваетъ М. А. Дьяконовъ — я долженъ признать, что, наряду съ нѣкоторыми отрицательными сторонами его изслѣдованія, въ числѣ которыхъ главными я считаю необоснованность въ иныхъ случаяхъ методологическихъ пріемовъ и неточность допущенныхъ опредѣленій, оно представляетъ и рядъ серьезныхъ достоинствъ. Авторъ собралъ значительное количество цѣннаго матеріала и старался его сгруппировать и освѣтить. Трудность и сложность темы и невозможность часто имѣть еще большее число данныхъ ставили автора нерѣдко въ безвыходное положеніе. Но за нимъ должна остаться честь перваго почина въ разработкѣ груды сырого матеріала. Дальнѣйшіе труженики на этомъ пути могутъ поучаться по книгѣ автора, какъ надо и какъ не слѣдуетъ разрабатывать этотъ громадный, еще сырой матеріалъ. То, что сдѣлано авторомъ, гораздо легче дополнять и сдѣланное имъ исправлять. Нѣкоторыя таблицы автора, стоившія ему массы времени и труда, и въ настоящемъ видѣ чрезвычайно поучительны (въ частности таблицы и заключенія главы пятой). Въ приложеніи къ своему обширному труду авторъ напечаталъ еще и любопытные матеріалы по исторической географіи, съ перечисленіемъ входившихъ въ составъ Замосковныхъ уѣздовъ становъ и волостей, и все это иллюстрировалъ прекрасной картой древняго административнаго дѣленія Замосковнаго края.

„Поэтому я полагаю, что изслѣдованіе Ю. В. Готье по всей справедливости заслуживаетъ Уваровской преміи“.

П. И. В. Покровскій. „Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое изслѣдованіе. (Въ память 350-лѣтія существованія Казанской епархіи 1555—1905 гг.)“, Казань. 1906 г.

Разборъ этой работы любезно принялъ на себя К. Я. Здравомысловъ.

Указавъ на то, что авторъ изслѣдованія „не новичекъ въ научныхъ работахъ“, и перечисливъ его главнѣйшіе труды по изслѣдованію исторіи Русской церкви, рецензентъ отмѣчаетъ, что „побужденіемъ остановить свое вниманіе особеннымъ образомъ на Казанской епархіи было у автора, по его словамъ, то обстоятельство, что, работая въ столичныхъ архивахъ, онъ натолкнулся на матеріалы по исторіи Казанской епархіи и надѣялся пополнить ихъ въ Казани, на мѣстѣ своего служенія; хотя оказалось, что мѣстные архивы духовнаго вѣдомства горѣли въ Казани до десятка разъ и не сохранили почти ничего, — авторъ, ободренный знатоками мѣстной исторіи и обнадеженный матеріальной поддержкой со стороны Казанскихъ архіепископовъ, продолжалъ свою работу и въ 1901 г. приступилъ къ печатанію ея въ „Православномъ Собесѣдникѣ“. Разсматриваемая книга и составляетъ, такъ сказать, отдѣльный оттискъ изъ названнаго журнала; приложенія же къ изслѣдованію печатались отдѣльно“.

„Хотя изслѣдованіе издано въ память 350-лѣтія Казанской епархіи, но авторъ не безъ основанія ограничивается только первымъ 200-лѣтіемъ (съ небольшимъ) архіерейскаго дома, такъ какъ съ 1764 г. штаты архіерейскихъ домовъ строго опредѣлены для всѣхъ епархіи, а до 1764 г. опредѣленія штатовъ архіерейскихъ домовъ не было (кроме Новгородскаго), и каждый архіерейскій домъ жилъ своею особенною жизнью; это обстоятельство придавало изслѣдованію большой интересъ, но преимущественно мѣстный. Подобныхъ изслѣдованій о другихъ архіерейскихъ домахъ пока нѣтъ“.

Указавъ затѣмъ, что все изслѣдованіе автора распадается на краткое вступленіе и десять главъ, рецензентъ даетъ краткос

изложеніе содержанія каждой главы въ отдѣльности, при чемъ съ одной стороны тщательно отмѣчаетъ достойные вниманія, по его мнѣнію, заключенія и выводы автора, а съ другой стороны, во многихъ случаяхъ полемизируетъ съ нимъ и пополняетъ собранный имъ матеріалъ.

Суммируя свои замѣчанія, рецензентъ приходитъ къ заключенію, что „въ разсматриваемомъ изслѣдованіи авторомъ систематизировано и изложено о Казанскомъ архіерейскомъ домѣ все, что только можно было, съ большимъ трудомъ и терпѣніемъ, найти по этому вопросу въ печатныхъ произведеніяхъ и въ разныхъ архивахъ, при исчезновеніи мѣстныхъ съ ихъ цѣнными и самыми главными для настоящаго изслѣдованія матеріалами“, при чемъ на неупоминаніе нѣкоторыхъ сочиненій рецензентъ указываетъ въ разборѣ соответствующихъ главъ книги. „Нѣтъ — говоритъ рецензентъ — равнѣ только полной характеристики Казанскихъ владыкъ, имѣвшихъ громадное и даже исключительное вліяніе на составъ и численность домового штата (конечно, до его опредѣленія въ 1764 г.) и на всѣ стороны жизни архіерейскаго дома, какъ административно-владѣльческаго учрежденія; да побольше нужно было остановиться на временахъ междурхіерейства, иногда продолжавшагося болѣе года. Этого требуетъ и спеціальность изслѣдованія о мѣстномъ учрежденіи“.

„Конечно — говоритъ К. Н. Здравомысловъ — эта, добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла исполненная авторомъ спеціальная работа по чисто мѣстному вопросу въ наукѣ приобретаетъ значеніе не сама по себѣ, а только въ совокупности съ другими подобными работами, дающими возможность сдѣлать научные выводы и обобщенія или подтвердить и провѣрить сдѣланные прежде, — но въ настоящемъ случаѣ заслугу автора увеличиваютъ тѣ обстоятельства, что, во-1-хъ, онъ сдѣлалъ почти въ работахъ по нетронутому вопросу о штатахъ и средствахъ архіерейскихъ домовъ и, во-2-хъ, исполнилъ эту добровольно взятую имъ работу вполне самостоятельно, серьезно и безукоризненно, несмотря на многія неблагоприятныя обстоятельства, при которыхъ ему пришлось работать.

Признавая научныя взгляды автора „вполнѣ правильными“ и отмѣтивъ вновь тѣ пункты, по которымъ „можно спорить съ авторомъ“, а также нѣкоторыя неточности цитатъ, рецензентъ указываетъ, что „можно говорить о нѣкоторой растянутасти въ изложеніи предмета, объ уклоненіяхъ отъ главной темы изслѣдованія,—но это зависѣло частію отъ несовершенства плана изслѣдованія, частію отъ условій печатанія книги въ теченіе шести лѣтъ. Можно говорить о недочетахъ, пробѣлахъ, неравномѣрности нѣкоторыхъ отдѣловъ, о хронологическихъ скачкахъ въ изслѣдованіи, объ отсутствіи общихъ выводовъ и заключеній,—но во всемъ этомъ нельзя сложить вину на автора, употребившаго всѣ усилія отыскать всѣ свѣдѣнія, касающіяся Казанскаго архіерейскаго дома; настоящихъ-же причинъ этого нужно искать въ отсутствіи матеріаловъ въ тѣхъ главныхъ центрахъ, гдѣ должно было быть сосредоточено ихъ храненіе, въ неполнотѣ и отрывочности сохранившихся матеріаловъ“.

„Къ достоинствамъ изслѣдованія—говоритъ К. Я. Здравомысловъ—вполнѣ слѣдуетъ отнести и помѣщеніе къ концѣ книги многочисленныхъ приложений, добытыхъ авторомъ изслѣдованія не безъ труда въ разныхъ архивахъ, пробѣрепныхъ по нѣсколькимъ спискамъ и имѣющихъ особую какъ научную, такъ и мѣстную практическую цѣнность (выписки изъ межевыхъ, писцовыхъ и переписныхъ книгъ первой половины XVII столѣтія возстановляютъ населеніе, земельныя владѣнія и угоды всѣхъ селъ и деревень, принадлежавшихъ Казанскому архіерейскому дому до 1764 г.). Изданіе этихъ приложений къ изслѣдованію—особенная заслуга автора: онъ впервые издалъ матеріалы, относящіяся къ исторіи Казанскаго архіерейскаго дома, съ документовъ ветхихъ и съ большимъ трудомъ разбираемыхъ; изданные раньше матеріалы свѣрять съ оригиналами“.

Въ заключеніе отзыва объ изслѣдованіи г. Покровскаго рецензентъ признаетъ необходимымъ сказать слѣдующее: „Если нѣкоторые недостатки изслѣдованія явились не по винѣ автора, а достоинства исполненной работы своею численностью превзошли ихъ; если нельзя отрицать большихъ трудовъ автора, его умѣнья

разобраться въ архивныхъ матеріалахъ (онъ не слѣпо пользовался печатными описаніями архивныхъ дѣлъ и документовъ, но свѣрялъ ихъ съ подлинниками, со списками въ другихъ архивахъ и отмѣчалъ замѣченныя неточности) и въ сложныхъ темныхъ вопросахъ отдаленнаго прошлаго при большомъ недостаткѣ главныхъ источниковъ для изслѣдованія; если вполне возможно признать правильными его взгляды по данному вопросу, а также полную самостоятельность и серьезность его работы, — то авторъ этого изслѣдованія, г. Покровскій, вполне заслуживаетъ одобренія, похвалы и поощренія въ видѣ присужденія ему одной изъ наградъ имени графа Уварова“.

Ш. Н. В. Чарыковъ. „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Съ портретомъ Петра Великаго и многими иллюстраціями“, С.-Петербургъ. 1906 г.

Отъѣзду этой работы принялъ на себя ученый корреспондентъ въ Римѣ при Историко-Филологическомъ Отдѣленіи Академіи Е. Ф. Шмурло.

Приступая къ разбору этого труда, Е. Ф. Шмурло отмѣчаетъ прежде всего своевременность появленія работы Н. В. Чарыкова.

„Въ исторіи Московской Руси XVII-го вѣка — говоритъ рецензентъ — видное мѣсто должно быть отведено ближнему ея съ Западной Европой. Оближеніе это проявлялось въ болѣе интенсивныхъ, чѣмъ прежде, сношеніяхъ московскаго правительства съ западноевропейскими, въ болѣе широкихъ заимствованіяхъ культурныхъ, въ многочисленныхъ и постоянныхъ „выѣздахъ иностранцевъ“, поступавшихъ на русскую службу и переносившихъ на русскую почву свои понятія, свои свѣдѣнія и свое міровоззрѣніе. При всемъ крупномъ значеніи, какое имѣли эти факты на общій ходъ развитія русской жизни, нельзя сказать, чтобы они были достаточно полно и всесторонне обследованы; несмотря на довольно значительную литературу, посвященную этимъ вопросамъ, пробѣловъ остается еще много, сказать объ нихъ еще есть что, и въ этомъ отношеніи новый трудъ г. Чарыкова вполне отмѣчаетъ ощущаемой потребности и является весьма кстати. Служба

въ Россіи Павла Менезія вполнѣ заслуживаетъ того вниманія, какое удѣлилъ ей авторъ.

„Но Менезій не только одинъ изъ тѣхъ выходцевъ, которые сотнями насчитывались въ Московской Руси XVII-го столѣтія; если не въ русской исторіи, то въ русской исторіографіи онъ занимаетъ еще особое видное мѣсто: съ именемъ Менезія связано представленіе о воспитателѣ будущаго Петра Великаго, о руководителѣ дѣтскихъ игръ царевича въ самый ранній, младенческой его .возрастъ. Вопросъ, дѣйствительно ли былъ Менезій такимъ воспитателемъ и руководителемъ, остается и донынѣ спорнымъ и нерѣшеннымъ, между тѣмъ излишне говорить о крупномъ, первостепенномъ его значеніи, какъ вопроса. Вотъ почему книга г. Чарыкова, удѣлившая этому вопросу видное, можно сказать даже главное мѣсто, тѣмъ болѣе имѣетъ право на вниманіе въ современной научной литературѣ. Съ этой точки зрѣнія названный трудъ можно только привѣтствовать“.

Изложивъ затѣмъ вкратцѣ содержаніе книги, рецензентъ указываетъ на то, что все это содержаніе можетъ быть „сведено въ три основныхъ группы“, а именно: біографія Менезія въ тѣсномъ смыслѣ слова, его дипломатическая миссія и роль въ духовномъ развитіи царевича Петра, въ связи съ отношеніями ко двору царя Алексѣя Михайловича.

Детально разобравъ затѣмъ содержаніе каждой изъ этихъ группъ въ отдѣльности, тщательно отмѣтивъ какъ спорныя заключенія, такъ и цѣнные въ научномъ отношеніи выводы автора, подробнѣйшимъ образомъ, наконецъ, остановившись на способахъ и приѣмахъ, которыми руководствовался г. Чарыковъ при изданіи документовъ, и отмѣтивъ слабыя стороны этихъ приѣмовъ и способовъ, Е. Ф. Шмурло въ заключеніе говоритъ: „Давно уже признано, что критиковать гораздо легче, чѣмъ творить и совидать, и я, въ положеніи критика, не долженъ забывать этой мудрой аксіомы. Передъ нами результатъ многолѣтней упорной работы, не легкихъ архивныхъ поисковъ, внимательнаго, подчасъ кропотливаго изслѣдованія; при всѣхъ своихъ недостаткахъ трудъ г. Чарыкова вносить новый матеріалъ и новые домыслы; при всей

спорности этихъ домысловъ, они имѣютъ полное право стать достояніемъ нашей исторіографіи и, конечно, войдутъ въ ея научный оборотъ. Русская исторіографія должна быть благодарна нашему автору уже за самую тему его книги, за постановку вопроса. Знать, въ какой обстановкѣ росъ, въ какихъ условіяхъ воспитывался будущій великій Преобразователь Россіи,—это ли не важно? это ли не достойно серьезнаго изученія? Можно оспаривать отвѣты, данные авторомъ, можно замѣнять ихъ своими, но самая возможность этой замѣны теперь существенно облегчена, благодаря настоящему труду, такъ какъ и противники возрѣній г. Чарыкова найдутъ въ его книгѣ новыя обоснованія для своихъ собственныхъ взглядовъ и положеній. Чѣмъ труднѣе была разработка поставленной темы; чѣмъ менѣе категоричны были матеріалы, надъ которыми приходилось оперировать автору,—тѣмъ въ большую заслугу слѣдуетъ ему поставить то, что онъ не убоился трудности и не уклонился отъ неблагодарной задачи построить свое зданіе при помощи большею частію косвенныхъ, къ тому же не полныхъ, далеко не всегда левыхъ данныхъ. Не слѣдуетъ забыть и того, что, наряду съ главною темою, авторъ освѣщаетъ по сполучности много и побочныхъ вопросовъ, заслуживающихъ также полнаго вниманія, а приобщеніемъ документальныхъ данныхъ дѣлаетъ возможность читателю одинаково какъ провѣрить его, такъ и самостоятельно освѣтить ихъ. Построенная по широкой программѣ, книга г. Чарыкова, помимо главной темы, дѣлаетъ свой вкладъ и по исторіи организаціи русскаго войска, по изученію положенія иностранцевъ въ Московской Руси, вноситъ новую страницу по исторіи дипломатической. Нѣмецкая Слобода, русскія родовитыя фамиліи, такъ наз. *Rossica*—всѣ эти отдѣлы русскаго историческаго знанія, несомнѣнно, воспользуются тѣми свидѣніями и указаніями, что нашли себѣ мѣсто въ разбираемой книгѣ.

„Чтобы короче и ярче выразить свою мысль, выражусь такъ: будущій біографъ Петра Великаго не обойдетъ и не долженъ безнаказанно для себя обойти и оставить безъ вниманія трудъ г. Чарыкова. Вопросы, поставленные г. Чарыковымъ, поставлены такъ, что съ ними необходимо считаться впоследствии. Вотъ почему съ

глубокии убѣжденіемъ скажу: „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія“ заслуживаетъ со стороны Императорской Академіи Наукъ полнаго одобренія и награды Уваровской преміаю“.

Къ выложенной рецензіи Е. Ф. Шмурло присовокупилъ, въ видѣ приложений, рядъ документовъ, извлеченныхъ изъ архива Пропаганды и изъ Ватиканскаго архива, касающихся прямо или косвенно Павла Менезія и представляющихъ значительный научный интересъ.

IV. А. С. Орловъ. а) „Сказочныя повѣсти объ Азовѣ. „Исторія“ 7135 года. Изслѣдованіе и текстъ“, Варшава. 1906.

б) „Историческія и поэтическія повѣсти объ Азовѣ (взятіе 1637 г. и осадное сидѣніе 1641 г.). Тексты“, Москва. 1906.

Рецензія на эти труды составлена академикомъ А. И. Соболевскимъ.

„Повѣсти о взятіи и осадѣ Азова — говоритъ въ началѣ своего отзыва рецензентъ — принадлежатъ къ числу произведеній вульгарной русской литературы самаго конца XVII вѣка, всего XVIII вѣка и начала XIX вѣка. Онѣ почти совсѣмъ неизвѣстны въ хорошихъ, прилично написанныхъ и тщательно сохранныхъ спискахъ; ихъ мы находимъ въ тетрадкахъ небрежнаго письма, загрязненныхъ и потрепанныхъ, обращавшихся среди — такъ сказать — читающей черни, православной и старообрядческой. Читатъ подобные списки, съ ихъ неразборчивыми почерками, съ ихъ отсутствіемъ элементарной орфографіи, съ вырванными листами и загрязненными страницами, — едва ли кому можетъ быть пріятно...“

„Тѣмъ выше заслуга А. С. Орлова, который не только перечелъ нѣсколько десятковъ (болѣе 50) такихъ списковъ, но и издалъ ихъ тексты, раздѣливъ на редакціи, поставивъ одни во главу угла, а изъ другихъ извлеки варианты. Можно сказать, что онъ исчерпалъ все подходящее, что есть въ нашихъ общедоступныхъ бібліотекахъ; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ назвать такихъ списковъ, которые бы ему остались неизвѣстны. Можно также сказать, что тщательность его изданія не оставляетъ желать большаго. Правда, онъ раскрылъ вездѣ сокращенія и воспользовался

гражданскимъ прифтожь; но смѣшно бы было такія повѣстия по-
вѣсти, какъ повѣсти объ Азовѣ, издавать съ тѣми приѣмами, съ
какими издають тексты XII вѣка“.

Признавал, что авторъ собралъ значительный матеріаль для
оцѣнки реальныхъ и поэтическихъ данныхъ сказочныхъ повѣстей,
академикъ А. И. Соболевскій находить, однако, что онъ вос-
пользовался имъ нѣсколько односторонне, обративъ вниманіе по
преимуществу на поэтическіе элементы повѣстей и почти игно-
рируя элементы реальные.

Между тѣмъ, реальные данныя — по мнѣнію рецензента —
имѣють большую цѣну для сужденія о времени и — особенно — о
мѣстѣ составленія повѣстей.

Вслѣдъ за тѣмъ академикъ А. И. Соболевскій останавли-
вается на заключеніяхъ автора и полемизируетъ противъ нѣкото-
рыхъ изъ нихъ, именно, противъ утвержденія А. С. Орлова, что
авторомъ повѣстей былъ великороссъ, и противъ его мнѣнія о
томъ, что въ составѣ повѣстей столь значительное мѣсто зани-
мають разказы о дѣятельности Разина.

Въ заключеніе рецензентъ говоритъ: „Оцѣнивалъ трудъ А. С.
Орлова, мы должны признать его несомнѣнно полезнымъ для
русской ученой литературы. Изданіе повѣстей объ Азовѣ не оста-
вилось жальтѣ лучшаго ни по полнотѣ, ни по тщательности. Что
до изслѣдованія нѣкоторыхъ подробностей сказочныхъ повѣстей
объ Азовѣ, то оно, правда, мало объясняетъ эти повѣсти, но
представляетъ значительный подборъ матеріала по двумъ инте-
реснымъ поэтическимъ мотивамъ.

„Во всякомъ случаѣ трудъ А. С. Орлова вполне заслужи-
ваетъ награды малой Уваровской преміей“.

В. М. С. Грушевскій. „Очеркъ исторіи Украинскаго на-
рода“, изд. 2-е, дополн., С.-Петербургъ. 1906 г.

Оцѣнку этого труда привялъ на себя членъ-корреспондентъ
Академіи, профессоръ Казанскаго Университета Д. А. Корсаковъ.

Въ началѣ своей рецензіи профессоръ Корсаковъ даетъ
краткій очеркъ возникновенія и развитія научныхъ изслѣдо-
ваній языка, быта, нравовъ, преданій и исторіи южноруссовъ

и подробный перечень работъ М. С. Грушевскаго въ этой области.

Переходя далѣе къ разбору настоящаго труда М. С. Грушевскаго, рецензентъ дѣлитъ его на слѣдующія составныя части: 1) предисловіе (стр. III—VIII), гдѣ опредѣляются основныя точки зрѣнія автора; 2) введеііе (главы I—IV, стр. 1—59), въ которомъ вылагается цѣлый рядъ предварительныхъ свѣдѣній для усненія исторіи южной Руси: теперешнее расселеніе украинцевъ по территоріи европейской Россіи; географическія, этнографическія и историческія условія этого расселенія; общія черты южнорусской исторіи; культура и бытъ южнорусскихъ племенъ въ древнѣйшее время и начало среди нихъ государственной организаціи; 3) главы V—VIII, стр. 60—131, посвящены изложенію такъ сказать древней исторіи южной Руси, исторіи двухъ южнорусскихъ государствъ XI—XIII вв. — Кіевскаго и Галицко-Волынскаго; 4) главы IX—XVI, стр. 132—170, обнимаютъ собою переходную, среднюю исторію южнорусскихъ земель, время владычества надъ ними государствъ Литовскаго и Литовско-Польскаго, съ XIV до начала второй половины XVII в., до повстанья Богдана Хмельницкаго и присоединенія Малороссіи къ Московскому государству включительно; 5) главы XVII—XXII, стр. 270—399, излагаютъ новую исторію Малороссіи, со смуты въ ней до смерти Богдана Хмельницкаго и до исхода XVIII в.; событія политической исторіи XIX вѣка авторъ едва касается; 6) главы XXIII—XXVI, стр. 400—512, рассматриваютъ эволюцію идейно-культурнаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ „украинскаго возрожденія“ или „украинофильства“ и возникшаго въ XIX в. среди интеллигенціи областей, населенныхъ южнорусскими племенемъ, въ предѣлахъ Русскаго государства и Австро-Венгріи.

Приступая затѣмъ къ детальному разбору каждой изъ этихъ частей въ отдѣльности, профессоръ Корсаковъ отмѣчаетъ рядъ недостаточности, по его мнѣнію, обоснованныхъ утвержденій автора, при чемъ высказываетъ мнѣніе, что эти „неправильности, которыя, въ сущности, являются лишь необоснованными предположеніями,—зависятъ отъ желанія автора видѣть не только историческую воз-

возможность, но историческую достоверность въ такіе вѣка отдаленнаго отъ насъ прошлаго, до которыхъ не въ состояніи достигнуть свѣтъ исторіа“.

Съ другой стороны, рецензентъ отмѣчаетъ удачную формулировку авторомъ причинъ разложенія кіевскаго государственнаго строя еще въ XII в. (стр. 84—86) и повѣствованіе о самомъ разложеніи этого строя въ теченіе XIII в. (стр. 86—91) и признаетъ, что исторія украинскаго народа за XVII в. изложена г. Грушевскимъ очень интересно и съ новыми освѣщеніями. „Г. Грушевскій—говоритъ рецензентъ—не увлекается вѣтшией, казовой стороной дѣятельности такихъ объединителей лѣвобережной и правобережной Украины, провозвѣстниковъ ея цѣлости и автономіи, какъ Выговскій и даже Дорошенко, а обращаетъ надлежащее серьезное вниманіе на отношеніе ихъ къ народнымъ украинскимъ массамъ“.

„Затѣмъ, говорить рецензентъ, подводя итоги къ моимъ замѣткамъ на книгу М. С. Грушевскаго, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1) „Очерки изъ исторіи Украинскаго народа“ являютя по вѣтшимъ и въ настоящее время единственнымъ на общерусскомъ языкѣ обзоромъ всего хода южнорусской исторіи отъ древѣйшихъ временъ до исхода XVIII в.

2) Такой обзоръ въ настоящее время крайне необходимъ, въ виду того, что южнорусская вѣтвь русскаго народа въ наши дни болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ прагматическомъ изложеніи своей исторіи, потому что въ большинстве историческихъ курсовъ и обзоровъ всей исторіи Россіи—исторія южноруссовъ излагается обыкновенно отрывочно и недостаточно полно.

3) „Очерки“ не свободны отъ нѣкоторыхъ неточностей и пробѣловъ, вслѣдствіе того, что авторъ ихъ не всегда должнымъ образомъ относится къ историческимъ источникамъ, что мною подробно указано выше. Но эти недостатки въ работѣ г. Грушевскаго вполне окупаются упомянутыми въ н. п. 1 и 2 достоинствами.

„А потому я полагаю, что книга профессора М. С. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи Украинскаго народа“, изд. 2-е, С.-Петербургъ. 1906, — достойна награды преміей графа Уварова“.

VI. И. И. Соколовъ. „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія“. Томъ I, С.-Петербургъ. 1904.

Разборъ этого изслѣдованія принялъ на себя профессоръ Императорскаго Московскаго Университета А. П. Лебедевъ.

Указавъ въ началѣ своего отзыва, какъ профессоръ И. И. Соколовъ получилъ въ Константинополѣ доступъ въ патриаршіи архивъ, и отмѣтивъ „грекофильство“ автора, рецензентъ приступаетъ къ детальному разсмотрѣнію его труда, при чемъ, обращаясь къ „предисловію“, отмѣчаетъ большое число приведенныхъ здѣсь пособій и источниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ пробѣловъ и неточностей въ указаніяхъ автора.

Изложивъ затѣмъ содержаніе „вступленія“, рецензентъ полемизируетъ съ авторомъ по поводу его утвержденія, что „несправедливо обвинять только вселенскихъ патриарховъ въ различныхъ церковно-общественныхъ нестроеніяхъ XV—XVIII в. и выдвигать эти нестроенія на первый планъ, полагалъ въ нихъ и существенное содержаніе исторической жизни Константинопольской церкви этого времени. Доказывая существованіе, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ дѣлаго ряда ученыхъ, стоящихъ на совершенно противоположной, чѣмъ авторъ, точкѣ зрѣнія, рецензентъ отмѣчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что авторъ приписываетъ чрезмѣрное значеніе въ религіозно-культурной жизни грековъ появленію у нихъ такъ называемыхъ новомучениковъ, совершенно игнорируя доказанное многими изслѣдователями „мучениковтвство, искусственное и не безкорыстное созданіе мучениковъ“, и полемизируетъ съ нимъ по ряду другихъ его утвержденій.

„Первый отдѣлъ книги — говоритъ далѣе рецензентъ — описываетъ вышнее состояніе Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ и притомъ очень подробно. А первая глава этого отдѣла знакомитъ со вышнимъ состояніемъ той же церкви отъ поцаренія султана Селима III до начала Греческаго возстанія

(1789—1821). Эта первая глава книги автора важна въ томъ отношеніи, что она разомъ намѣчаетъ главные точки зрѣнія его на весь первый отдѣлъ, при чемъ послѣдующія главы лишь собственно иллюстрируютъ то, что установлено авторомъ въ указанной главѣ“.

Разбирая содержаніе этой главы, рецензентъ отмѣчаетъ враждебность автора по отношенію къ туркамъ и къ западно-европейскимъ народамъ и симпатіи его къ грекамъ, при чемъ находитъ, со своей стороны, что его „настойчивыя порицанія турокъ неосповательны, а его возвеличеніе грековъ слишкомъ пристрастно“ и подкрѣпляетъ свое мнѣніе рядомъ соображеній и фактовъ.

„Главы 2—5 перваго отдѣла книги г. Соколова—продолжаютъ профессоръ Лебедевъ—изображаютъ въ хронологическомъ порядкѣ тѣ или другія фазы внѣшняго состоянія Константинопольской церкви отъ 1821 до 1900 года. Останавливаться своимъ вниманіемъ на каждой главѣ отдѣльно нѣтъ никакой надобности. Здѣсь мы не встрѣчаемъ никакихъ новыхъ „сужденій и выводовъ“ автора, кромѣ тѣхъ, съ которыми мы сейчасъ познакомились. Мѣняются только картины, какъ въ калейдоскопѣ, но наши идейныя познанія остаются тѣ же. Весь историческій прагматизмъ автора исчерпывается неустаннымъ порицаніемъ то турокъ, то западно-европейскихъ народовъ и ихъ политики. Разница въ сравненіи съ прежнимъ заключается, кажется, въ томъ, что чѣмъ далѣе идетъ дѣло, тѣмъ болѣе выражается авторомъ нерасположенія и вражды къ этимъ, по нашему мнѣнію, болѣе воображаемымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, виновникамъ незавиднаго внѣшняго состоянія грековъ“.

„Въ заключеніе перваго отдѣла—говоритъ рецензентъ—авторъ задаетъ себѣ вопросъ: чѣмъ объяснить безуспѣшность законодательныхъ мѣропріятій въ Турціи въ XIX в., направленныхъ къ пользѣ христіанъ? Причина эта, говоритъ онъ, заключается прежде всего въ теократическомъ строѣ Турціи, гдѣ гражданская политика зиждется на общеобязательныхъ доктринахъ корана и шаріата, т. е., хочеть сказать авторъ, что всякое серьезное измѣненіе въ положеніи христіанъ ставилось въ противо-

рѣчіе корану и шаріату, а вмѣстѣ съ тѣмъ виновникъ такого вмѣненія являлся отступникомъ отъ мусульманской религіи. Такимъ образомъ, получался заколдованный кругъ: ни греческіе христіане не могли выдти изъ него, ни турки. Намъ кажется, что авторъ лучше бы исполнилъ эту часть работы, если бы почаще вспоминалъ это обстоятельство. Онъ нашелъ бы въ этомъ побужденіе къ большому безпристрастію въ описаніи отношеній турецкихъ властей къ христіанамъ и, въ частности, къ грекамъ. Кромѣ „теократическаго строя“ Турціи, въ безуспѣшности законодательныхъ мѣропріятій въ пользу христіанъ авторъ винитъ европейскую политику. Объ этой послѣдней онъ говоритъ не иначе, какъ съ отвращеніемъ. „На Европѣ лежитъ тяжкій грѣхъ, торжественно возвѣщаетъ авторъ, въ томъ, что христіане востока и въ настоящее время влчатъ рабскую жизнь. Греки должны понять, что злѣйшими ихъ врагами въ XIX вѣкѣ были не только турки, но и западно-европейскіи державы, которыя, преслѣдуя свои политическіе интересы, отодвинули Россію отъ прежняго вліянія на судьбу ромейской райи и затормозили ея великое освободительное дѣло, въ результатѣ котораго возможна была совершенная свобода всѣхъ современныхъ подданныхъ султана“. Въ этихъ словахъ авторъ выражаетъ мысли, которыя легко сказать, но которыя трудно осуществить. Политика никогда не будетъ управляться движеніями сердца. А если бы было такъ, то мы конца не видѣли бы политическимъ освободительнымъ авантюрамъ“.

Второй отдѣлъ книги г. Соколова состоитъ изъ очерковъ дѣятельности 26 Константинопольскихъ патріарховъ, правившихъ церковью въ теченіе XIX вѣка, съ біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. Это—отдѣлъ въ точномъ смыслѣ слова церковно-историческій, и съ этой стороны онъ выгодно отличается, по мнѣнію рецензента, отъ предшествующаго, вращающагося главнымъ образомъ въ области политики.

Авторъ говоритъ, что во второмъ отдѣлѣ онъ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія, или, какъ онъ нерѣдко выражается, біографіи cadaго изъ 26 патріарховъ (стр. XXXIII).

„Но, въ точномъ смыслѣ слова, этого рода сообщенія—по мнѣнію профессора Лебедева—едва-ли можно назвать „біографическими свѣдѣніями“ или біографіями, ибо авторъ о жизни большинства патріарховъ имѣеть самыя неопредѣленныя свѣдѣнія. Мы не знаемъ ни того, что это была за семья, гдѣ родился патріархъ, какими впечатлѣніями жилъ онъ въ дѣтствѣ-юности, какъ и гдѣ учился, подѣ какими вліяніями слагались его характеръ и образъ возрѣній. Намъ говорятъ лишь о сословномъ классѣ, къ какому принадлежали родители патріарха, мѣстѣ его родины, что-нибудь о его образованіи, передають глухія извѣстія о первоначальной карьерѣ будущаго патріарха и т. под.“

Далѣе рецензентъ отмѣчаетъ употребленный авторомъ и неудачный, по его мнѣнію, приемъ составленія этихъ біографій, заключающійся въ томъ, что г. Соколовъ не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что многіе изъ числа описанныхъ имъ патріарховъ восходили на престолъ по два и даже по три раза, съ значительными иногда промежутками времени, и описываетъ жизнь и дѣятельность того или другаго патріарха сполна, какъ скоро автору приходится описывать послѣднее патріаршествованіе этого лица. „Нужно сознаться, — говоритъ рецензентъ — что читатель совершенно сбить съ толку такимъ распредѣленіемъ историческаго матеріала. Читая, напримѣръ, очеркъ патріарха Григорія V и имѣя дѣло съ правительственною дѣятельностію его, относящеюся къ 1818—21 годамъ, читатель при этомъ долженъ знакомиться и съ тѣмъ, что сдѣлано этимъ патріархомъ ранѣе въ теченіе двукратнаго пребыванія его на томъ же престолѣ. Хронологическая нить рѣзывается на части. Читатель очерка этого патріарха, какъ и другихъ, нами упомянутыхъ, въ особенности Анеима VI, долженъ переноситься мыслию отъ настоящаго времени къ прошедшему и тамъ отыскивать мѣсто для тѣхъ или другихъ свѣдѣній, получаемыхъ имъ отъ автора о первомъ и второмъ патріаршествованіи ихъ, раздумывать: послѣ какого-такого патріарха возсѣли на престолъ Григорій, Анеимъ во второй—третій разъ, при какихъ условіяхъ, созданныхъ тѣмъ или другимъ ихъ предшественникомъ, они должны были дѣйствовать и

т. д. А все это въ высшей степени затруднительно“. Далѣе рецензентъ отмѣчаетъ громадное количество маловажныхъ фактовъ и свѣдѣній, приведенныхъ авторомъ въ его біографическихъ очеркахъ патріарховъ и не имѣющихъ существеннаго значенія для обрисовки жизни и дѣятельности даннаго лица.

Резюмируя свое обзорѣніе второго отдѣла книги, рецензентъ говоритъ, что, „не взирая на указанныя несовершенства второго отдѣла, эта часть работы автора должна быть признана лучшею въ его книгѣ, какъ по меньшей тенденціозности, такъ и по обилію новаго матеріала, который, вѣроятно, будетъ использованъ въ наукѣ“.

Разсматривая далѣе третій и послѣдній отдѣлъ труда профессора Соколова, рецензентъ указываетъ, что въ немъ „описывается важнѣйшая сторона жизни Константинопольской церкви XIX вѣка, именно „патріаршее управленіе“ этого времени, однако же здѣсь такъ мало сколько-нибудь значительныхъ „сужденій и выводовъ“ автора, что долго останавливаться на этомъ отдѣлѣ не къ чему. Прежде всего, въ третьемъ отдѣлѣ напечатано очень много законодательныхъ постановленій, конечно, не требующихъ критики. Однако, рецензентъ считаетъ необходимымъ указать на то, что въ этомъ отдѣлѣ авторъ отмѣчаетъ первоначальную широту и мощь патріаршей власти и ограниченіе этой власти путемъ изданія въ 1858 году „Общихъ канонизмовъ“, которые дали очень значительную власть мірянамъ въ церковныхъ дѣлахъ, благодаря учрежденію такъ называемаго Народнаго Смѣшаннаго Совѣта, и весьма во многомъ ограничили юридическую и фактическую власть патріарха. „Въ виду этого, нечальнаго съ точки зрѣнія автора, явленія, — говоритъ рецензентъ — ему понадобилось перечислить, какихъ правъ лишили патріарха „канонизмы“; а для этого ему пришлось привести себѣ и читателямъ на память, чѣмъ были патріархи до времени созданія „канонизмовъ“ (до 1858 годъ). А когда онъ это сдѣлалъ, то сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, ибо, всегда и во всемъ урѣзываемая, власть патріарха, какъ вытекало это изъ данныхъ перваго отдѣла, на самомъ дѣлѣ оказалась властію „самостоятельною и независимою“ и „могуществомъ, наслѣдован-

пымъ отъ прежнихъ этнарховъ-патріарховъ“, не говоря уже о церковномъ верховенствѣ. А съ этимъ на повѣрку выходитъ, что, если когда и кто подкапывался подъ власть и авторитетъ патріарха и, наконецъ, пошатнулъ ихъ, то это уже было во второй половинѣ XIX вѣка и сдѣлано это не турецкимъ правительствомъ, а самимъ греческимъ христіанскимъ народомъ. Въ виду такого положенія вещей, авторъ въ третьемъ отдѣлѣ нападаетъ на мірянъ греческой церкви, преимущественно на константинопольскихъ вліятельныхъ грековъ (фанариотовъ). Тѣмъ не менѣе, рецензентъ приходитъ къ заключенію, что, третій отдѣлъ книги Соколова долго сохранить свою цѣнность въ наукѣ сообщеніемъ здѣсь многихъ „уставовъ“, почти неизвѣстныхъ въ русской литературѣ, а равно извѣстіями о „дополнительныхъ административныхъ учрежденіяхъ Константинопольской церкви“.

Сдѣлавъ далѣе нѣсколько замѣчаній по содержанію „приложеній“ къ изслѣдованію, заключающихъ рядъ документовъ, авторъ, говоря о своей критикѣ, заканчиваетъ рецензію слѣдующими словами: „То было не порипаніе, а критика. Книгъ по греческой церковной исторіи у насъ пишутъ очень мало; авторъ же написалъ такую большую и документальную книгу, подобной которой едва-ли мы скоро дождемся. Она написана съ необыкновенною быстротою, а это своего рода талантъ (таланты же, какъ бы кто о томъ ни думалъ, заслуживаютъ награды). Въ концѣ разбора второго и третьяго отдѣловъ книги я указалъ, что въ нихъ хорошаго, а это хорошее, вмѣстѣ съ тѣмъ, что сейчасъ указано, дастъ право г. Соколову на премію имени графа Уварова, но на премію неполную“.

VII. В. М. Металловъ, священникъ, профессоръ Московской Консерваторіи и преподаватель Синодальнаго училища церковнаго пѣнія. „Богослужбное пѣніе русской церкви. Періодъ домонгольскій. Часть I и II, съ приложеніемъ 9 таблицъ (Facsimile) снимковъ съ рукописей X, XI, XII вв.“, Москва. 1906 г.

Составленіе рецензіи на этотъ трудъ любезно принялъ на себя приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета С. В. Смоленскій.

Указавъ, что 1-я часть этого труда рассматриваетъ вопросы „о происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія и его семиографіи“ (6 главъ), а 2-я часть рассматриваетъ вопросы „о русскомъ церковномъ пѣніи въ домонгольскій періодъ“ (9 главъ), рецензентъ говоритъ: „Изслѣдованіе о. Металлова впервые и со всею подробностію трактуетъ свой предметъ. Не имѣя въ общемъ себѣ предшественника, это изслѣдованіе неизбѣжно потребовало у автора множество самостоятельнаго труда, несмотря на то, что мѣстами сочиненіе носитъ характеръ какъ бы компилятивный. Авторъ ставитъ вопросы весьма широко и, не находя иногда прямыхъ отвѣтовъ, по неразгаданности древнихъ нотаций, дѣлаетъ немало и предположеній, прямо свидѣтельствующихъ объ основательномъ его знакомствѣ съ литературою предмета и объ остроуміи и находчивости въ сближеніяхъ“.

Въ виду трудности и своеобразной спеціальности предмета вообще и малой до сихъ поръ его разработки, рецензентъ излагаетъ послѣдовательно все содержаніе труда о. Металлова, сопровождая это изложеніе краткими своими примѣчаніями, въ которыхъ старательно отмѣчаетъ какъ все цѣнное и новое въ работѣ о. Металлова, такъ и недостаточно обоснованные, на его взглядъ, выводы автора. Въ заключеніе рецензентъ говоритъ:

„Уже по порядку главъ труда о. Металлова видно, какъ широко ставится имъ обзоръ своего предмета. Рассмотрѣнное сочиненіе представляло бы собою капитальный вкладъ въ науку, если бы оно не было издано съ непонятною и неизвинительною небрежностію. Извѣстно, что о. Металловъ—далеко не молодой работникъ въ наукѣ и уже успѣлъ составить себѣ уважительное имя послѣ цѣлаго ряда сочиненій, изъ которыхъ три уже были удостоены премій Митрополита Макарія. Непонятна и неизвинительна небрежність изданія, мѣра которой столь очевидна, столь характерна и въ двухъ крайне своеобразныхъ спискахъ опечатокъ. При чтеніи книги мною составленъ третій списокъ значительно большаго числа опечатокъ, еще не указанныхъ авторомъ. Неизвинительна небрежність особенно потому, что множество опечатокъ

имѣется въ примѣчаніяхъ къ тексту и очень затрудняетъ внимательное чтеніе. Существенно уменьшаются достоинства книги множествомъ совершенно ненадобныхъ повтореній, разбросанныхъ изложеній, свидѣтельствующихъ какъ бы о торопливомъ приготовленіи книги къ выпуску въ свѣтъ. Редизенту, какъ и читателямъ, конечно, вѣтъ никакого дѣла до причинъ, вызвавшихъ столь неудовлетворительное напечатаніе книги,—они только платятся досадою на опечатки, лишними усиліями ума при усвоеніи неудобнаго расположенія текста и лишнею потерею времени при повѣркѣ примѣчаній къ тексту.

„Тѣмъ не менѣе, сочиненіе о. Металлова должно быть признано имѣющимъ весьма значительную цѣнность, какъ первый опытъ сведенія превеликаго множества собранныхъ имъ давнихъ по ряду труднѣйшихъ вопросовъ о древне-русскомъ искусствѣ въ связи его съ первоисточниками. Авторъ иногда увлекается, но имъ же высказано и множество дѣльныхъ соображеній. Нѣкоторые отдѣлы, впервые разработанные въ сочиненіи о. Металлова, составляютъ его неоспоримую заслугу. Но авторъ—и серьезный труженикъ. Какъ ни спорны, на мой взглядъ, нѣкоторыя изъ предположеній и разсужденій о. Металлова, все же его доводы постоянно ставятся по-своему серьезно и научно. Какъ ни шатки, по моему мнѣнію, нѣкоторые конечные выводы автора по такому обширному предмету, все же они всѣ составляютъ хорошо подведенные итоги несомнѣнно большого и добросовѣстнаго труда. Авторъ не остановился въ своей работѣ, не устранился ея, несмотря на очень большія, даже пока неодолимыя трудности предмета. Поэтому, смотри уважительно на трудъ о. Металлова, я считаю его несомнѣнно заслуживающимъ одобренія и поощренія. Типографская неудовлетворительность изданія и указаные выше недостатки содержанія труда представляются мнѣ, однако, столь важными въ работахъ подобнаго рода, что я подалъ бы голосъ за возможность допущенія этого сочиненія къ соисканію прѣміи въ новомъ его изданіи. Теперь одобреніе и поощреніе автора можетъ быть справедливымъ лишь въ присужденіи почетнаго отѣива“.

VIII. М. С. Поповъ, священникъ. „Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій“. (Съ 4 рисунками). С.-Пб. 1905.

Разборъ этой работы принялъ на себя членъ-корреспондентъ Академіи, профессоръ Университета св. Владиміра В. С. Иконниковъ.

„Личности, которой посвящена настоящая монографія, — говорить въ началѣ своего отзыва рецензентъ — можно сказать, по-счастливилось въ нашей исторической и публицистической литературѣ. Объ Арсеніи Мацѣвичѣ ходили преданія съ извѣстной окраской, слагались легенды, передавались изъ рукъ въ руки летучіе листки въ то время, когда строгая цензура была неумолима къ проявленію своеобразныхъ мнѣній, не согласныхъ съ общепринятыми или одобренными (Смолинъ, Лопухинъ), составлялись павегирики (митр. Евгеній, въ „Зритель“, Снегиревъ, Барсовъ и др.), наконецъ, писались болѣе или менѣе обширныя статьи и изслѣдованія, до архивныхъ разысканій включительно. Разобраться въ этомъ матеріалѣ тѣмъ, казалось, труднѣе и неудобнѣе, что сочувственный и благопріятный взглядъ на роль и характеръ дѣятельности Арсенія, какъ и Артемія Петровича Волынскаго, установился гораздо раньше и прочнѣе, не смотря на официальное ихъ осужденіе, чѣмъ позволяли малоизвѣстные факты и оцѣнка этихъ послѣднихъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что преобладающее значеніе на первыхъ порахъ приобрѣло стремленіе выяснить не столько біографическія черты изучаемой личности, сколько причины постигшей ее катастрофы (относительно Волынскаго — Влудовъ, Шишкинъ, Ковалевскій; относительно Арсенія Мацѣвича — Чистовичъ, Мстиславскій, Соловьевъ, Барсовъ, Моршквинъ), оцѣнка которой, однако, слагалась подъ угломъ зрѣнія авторовъ, смотрѣвшихъ (въ дѣлѣ Арсенія Мацѣвича) съ извѣстной стороны на положеніе духовной власти, секуляризацию церковныхъ имуществъ или монастырскій вопросъ вообще. Въ значительной степени содѣйствовала тому сама Екатерина II, ослабившая Арсенія передъ лицомъ своихъ иноземныхъ друзей и въ официальномъ приговорѣ, какъ „защитника двоевластія“ и „фа-

натика“, а отсюда уже слѣдовалъ прямой выводъ для тѣхъ, кто высоко ставилъ принципъ церковной независимости, смотрѣть на Арсенія, какъ на мученика идеи и борца за свободу церкви“.

Приведа далѣе подробный перечень работъ и изслѣдованій, а также документовъ, касающихся дѣятельности и жизни Арсенія Мацѣевича, рецензентъ отмѣчаетъ, что всѣми этими материалами въ указанномъ ихъ объемѣ воспользовался авторъ разсматриваемой книги. Въ предисловіи („Введеніе“) имъ данъ обзоръ литературы, имѣющей непосредственное отношеніе къ Арсенію Мацѣевичу и вопросу о церковныхъ имуществахъ, а въ примѣчаніяхъ показаны изслѣдованія и статьи, касавшіяся нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ.

Книга автора раздѣляется на три части. Въ 1-ой части (11 главъ), озаглавленной: „Духовенство времянъ императрицы Елисаветы Петровны“, сообщаются біографическія свѣдѣнія объ Арсеніи и его пребываніи въ Тобольскѣ и Ростовѣ въ санѣ митрополита, объ отношеніи его къ раскольникамъ и лютеранамъ (полемика), объ основаніи Ярославской семинаріи, объ открытіи мощей Димитрія Ростовскаго, объ отношеніи къ вопросу о церковныхъ вотчинахъ до Петра III включительно (стр. 1—88). 2-ая часть, подъ заглавіемъ: „Церковныя имѣнія при императрицѣ Екатеринѣ II и секуляризація ихъ“ (9 главъ), заключаетъ въ себѣ очеркъ дѣятельности духовной комиссіи въ царствованіе Екатерины II, отношеніе митрополита Арсенія къ Синоду (доношенія), слѣдствіе и судъ надъ митрополитомъ Арсеніемъ, закончившіеся секуляризаціей имущества (стр. 89—182). Въ 3-ей части, озаглавленной: „Дѣло о разстригѣ Арсеніи“ (8 главъ), авторъ описываетъ пребываніе Арсенія въ Корельскомъ Николаевскомъ монастырѣ, 2-ое слѣдственное дѣло съ дополнительнымъ слѣдствіемъ, заточеніе его въ Ревель до кончины Арсенія, въ связи съ народными слухами и памятью о немъ его почитателей (стр. 183—264). Въ приложеніяхъ къ изслѣзованію помѣщены доношенія Арсенія Синоду, ранѣе извѣстныя въ несправномъ видѣ, по Синодальному и Государственному архивамъ, и высочайшій выговоръ архіепископу

Амвросію Зертисъ-Каменскому, по Государственному архиву (стр. I—XXI). Книга снабжена указателемъ собственныхъ именъ и учреждений (стр. XXIII—XXVIII).

Хотя авторъ изслѣдованія имѣлъ въ виду дать „жизнеописаніе митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича“, но тутъ же оговаривается, что въ основу его должно быть положено громкое „дѣло“ его, и собственно этому процессу и посвящено $\frac{3}{4}$ настоящей книги. Быть можетъ, влѣдствіе такого тяготѣнія со стороны автора къ интересу послѣдняго произошли и нѣкоторые пробѣлы въ отдѣльныхъ частяхъ и вопросахъ, связанныхъ съ изслѣдованіемъ о дѣятельности Арсенія Мацѣевича. Не говори о біографическихъ мелочахъ, рецензентъ прежде всего считаетъ необходимымъ отмѣтить, что имъ недостаточно выясненъ основной характеръ воззрѣній и направленія Арсенія, которыми опредѣлялись всѣ послѣдующіе мотивы его дѣйствій и факты его дѣятельности. При этомъ рецензентъ отмѣчаетъ, что авторъ не обратилъ должнаго вниманія на мѣстные архивы и собранія частныхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ же есть матеріалы, важные для всесторонняго освѣщенія личности Арсенія.

Далѣе, подробно разбирая содержаніе книги о Попова, рецензентъ указываетъ на то, что авторъ, по его мнѣнію, недостаточно выяснилъ отношеніе Арсенія къ расколу, взглядъ его на духовное просвѣщеніе, наконецъ, его личныя воззрѣнія на власть, которыя нашли, себѣ выраженіе въ его горячей защитѣ неприкосновенности церковныхъ правъ.

Въ заключеніе профессоръ Иконниковъ говоритъ слѣдующее: „Какъ давъ уваженія почитаемому лицу, трудъ автора можно назвать безупречнымъ. Какъ біографія, написанная въ интересахъ почитанія извѣстнаго дѣятеля, послужившаго идеѣ, высокопонимаемой самимъ авторомъ, книга его вѣрна своей цѣли. Литература предмета изучена имъ въ достаточной полнотѣ. Несомнѣнно авторъ внесъ нѣсколько новыхъ штриховъ въ біографическій матеріалъ, изученный имъ по рукописямъ. Можно пожалѣть, однако, что онъ ограничилъ свои приложенія незначительнымъ лишь количествомъ документовъ. Въ большій упрекъ слѣ-

дуетъ поставить автору отсутствіе необходимой объективности въ спорныхъ вопросахъ, которые, къ тому же, являются часто недостаточно подкрѣпленными фактами или болѣе вѣскими соображеніями. Впрочемъ, наши замѣчанія не лишаютъ автора права на возможное поощреніе“.

IX. П. М. Майковъ. „Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Капелляріи (1826—1882). Историческій очеркъ“, С.-Петербургъ. 1906.

Оцѣнку этого труда привялъ на себя профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Унверситета В. Н. Латвиль.

Изслѣдованіе г. Майкова представляетъ собою огромный трудъ въ 615 стр. Онъ раздѣленъ на семь главъ, при чемъ первая имѣетъ характеръ введенія, такъ какъ въ ней излагается исторія кодификаціонныхъ комиссій при Екатеринѣ II, Павлѣ I и Александрѣ I, а остальные шесть посвящены исторіи II Отдѣленія вплоть до упраздненія Кодификаціоннаго Отдѣла въ 1882 году. Въ концѣ книги напечатаны: приложенія, въ видѣ отдѣльныхъ документовъ, а также біографическихъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ II Отдѣленія, указатель личныхъ именъ и списокъ лицъ, служившихъ въ Отдѣленіи.

„Изслѣдованіе г. Майкова, говоритъ рецензентъ, названо имъ „историческимъ очеркомъ“, но на самомъ дѣлѣ это названіе къ нему совершенно не подходитъ. Оно скорѣе должно называться собраніемъ матеріаловъ, касающихся исторіи II Отдѣленія. Матеріалы приводятся авторомъ въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ многіе налагаются словами самого автора. Какого-либо критическаго элемента въ трудѣ г. Майкова совершенно не имѣется, между тѣмъ безъ критики „историческій очеркъ“ немыслимъ. Мало того, отсутствіе критики сказывается и въ томъ, что авторъ помѣщаетъ въ свои трудъ рѣшительно всѣ документы, на которые онъ наткнулся въ архивѣ, не обращая вниманія на то, имѣютъ ли они какую-либо цѣнность, или нѣтъ.

„Наконецъ, многіе изъ документовъ, старательно перепечатываемые авторомъ, не представляютъ никакого интереса по-

визны, такъ какъ давнымъ давно извѣстны (напр., на стр. 23, 54, 56 и др.), а нѣкоторые изъ нихъ даже сдѣлались достояніемъ учебниковъ исторіи русскаго права (напр., стр. 169).

„Собраніе матеріаловъ, каковымъ является книга г. Майкова, иногда разнообразится приведеніемъ біографическихъ свѣдѣній главноуправляющихъ II Отдѣленія, чѣмъ обыкновенно и начинается каждая глава. Всѣ біографіи написаны въ формѣ панегириковъ (исключеніе составляетъ біографія Старицкаго) и заключаютъ въ себѣ самыя подробныя свѣдѣнія о наградахъ, полученныхъ каждымъ лицомъ, т. е., о чинахъ, орденахъ, арендахъ и пр., старательно выписываемыхъ авторомъ. Панегирической характеръ біографій заставляетъ автора иногда прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ въ его стремленіи во что бы то ни стало объять то или иное лицо, біографію котораго онъ составляетъ, а иногда впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою.

„Вообще панегирической характеръ книги мѣшаетъ автору относиться критически къ описываемымъ имъ событіямъ, и въ оцѣнкѣ дѣятельности тѣхъ или иныхъ лицъ онъ всегда склоненъ къ славословію“.

Къ числу дефектовъ работы, по мнѣнію рецензента, нужно отнести незнаніе авторомъ новѣйшей литературы, въ силу чего въ его трудѣ встрѣчаются фактическія неправильности и явно невѣрныя мнѣнія. Этимъ дефектомъ въ особенности грѣшитъ первая глава, посвященная исторіи кодификаціонныхъ комиссій.

„Однако, заканчиваетъ свой отзывъ профессоръ Латкинъ, несмотря на наличие многихъ дефектовъ въ книгѣ г. Майкова, я долженъ отдать справедливость его удивительному трудолюбію, благодаря которому ему удалось написать столь огромный трудъ, основанный исключительно на архивныхъ данныхъ. Этотъ трудъ не пропалъ даромъ и, какъ сборникъ матеріаловъ (но не какъ изслѣдованіе), имѣетъ значеніе для науки. Будущему историку II Отдѣленія онъ значительно облегчитъ выполненіе его задачи. Въ виду сказаннаго я полагаю бы наградить г. Майкова почетнымъ отзывомъ“.

Х. М. М. Вородкинъ. „Война 1854—1855 г.г. на Финскомъ побережьѣ. Историческій очеркъ съ 127 иллюстраціями“, С.-Петербургъ. 1904.

Составленіе отзыва объ этой работѣ любезно принялъ на себя заслуженный профессоръ и почетный членъ Конференціи Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ П. А. Гейсманъ.

Въ началѣ своего труда авторъ указываетъ, что, такъ какъ „великая драма 1854—1855 г.г. была разыграна въ главныхъ своихъ частяхъ на Крымскомъ полуостровѣ“, то „исторія восточной войны естественно превратилась почти исключительно въ исторію осады и обороны Севастополя“, а „Балтійская часть кампаніи 1853—1856 г.г. до сего времени мало изслѣдована“. Если она „еще нѣсколько разсмотрѣна съ военной точки зрѣнія, то историко-политическая ея сторона остается совершенно нетронутой“.

Въ разсматриваемомъ трудѣ авторъ пытается представить преимущественно эту послѣднюю сторону Балтійской экспедиціи и то лишь настолько, насколько она коснулась Финляндскихъ береговъ. Для этого онъ ознакомился съ дипломатическими переговорами, предшествовавшими войнѣ, изучилъ прежнія описанія „сѣверной кампаніи“, просмотрѣлъ описанія современниковъ, а также Финляндскую и Шведскую литературы вопроса, которыя „обыкновенно оставались нетронутыми русскими изслѣдователями“.

Главнымъ матеріаломъ для автора послужили архивные первоисточники. Работая въ архивахъ Петербурга, Москвы и Гельсингфорса, онъ нашелъ „значительное количество совершенно необнародованныхъ данныхъ“, изъ коихъ впервые старался извлечь „все, заслуживающее вниманіе“.

Авторъ старался выяснитъ ту роль, которую играла и можетъ играть Финляндія въ періоды политическихъ осложненій. Онъ справедливо — по мнѣнію рецензента — полагаетъ и довольно убедительно доказываетъ, что „Финляндская окраина должна быть тщательно изучаема у насъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ полагаетъ,

что историческіе факты должны быть „правдиво изложены“, а потому рѣшается „взглянуть прямо въ лицо изслѣдуемымъ событіямъ и фактамъ, отстраняя отъ себя и роль прокурора - обвинителя, и роль адвоката - защитника“.

Трудъ состоитъ изъ предисловія, девяти главъ и прилѣжаній.

Разобравъ детально содержаніе работы, отмѣтивъ все цѣнное въ ней, а также тѣ выводы и соображенія которыми, по мнѣнію его, согласиться трудно, рецензентъ даетъ перечень сперва недочетовъ, а затѣмъ достоинствъ разбираемаго труда. Изъ числа недочетовъ, отмѣченныхъ рецензентомъ, важнѣйшими являются слѣдующіе:

1) Трудъ не удовлетворяетъ многимъ условіямъ, кои приходится предъявлять военно-историческому изслѣдованію, съ точки зрѣнія требованій науки. Нѣтъ разбора источниковъ.

2) Цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, очерчена недостаточно ясно, опять - таки съ точки зрѣнія требованій военной науки. Роль, которую можетъ играть Финляндія въ будущемъ, въ періоды политическихъ осложненій, не выяснена.

3) Періодъ исторіи, освѣщенный авторомъ, самъ по себѣ недостаточенъ; вообще, историческая часть работы не додѣлана; причины войны разъяснены не вполне.

4) Авторъ не пользовался первоклассными дипломатическими первоисточниками, или, если и пользовался, то въ недостаточной степени.

Изъ упомянутыхъ же рецензентомъ достоинствъ надлежитъ отмѣтить: 1) Достоверность фактической части труда, являющуюся слѣдствіемъ большой работы автора, усерднаго изученія имъ большого числа матеріаловъ и умѣнья его разбираться среди противорѣчивыхъ данныхъ, а равно, то, что 2) авторъ извлекъ изъ архивовъ и сообщилъ всему читающему обществу многія данныя, нерѣдко цѣнныя, которыя до послѣдняго времени оставались неизвѣстными, и то, что 3) трудъ автора долженъ быть причисленъ къ числу тѣхъ сочиненій, которыхъ не можетъ обойти никто, изучающій отношенія Россіи къ Финляндіи и Швеціи съ какою бы то ни было точки зрѣнія.

„Въ виду всего вышесказаннаго — заканчиваетъ свою рецензію генераль-маіоръ Гейсманъ — автору могла бы быть присуждена полная, или неполная, или половинная премія имени графа Уварова на соисканіи въ Императорской Академіи Наукъ, если не окажется сочиненій, кои могли бы быть поставлены выше разсмотрѣннаго“.

По присужденіи премій и почетныхъ отзывовъ, Академія Наукъ, въ изъявленіе своей глубокой признательности за понесенные труды, положила благодарить гг. рецензентовъ, при чемъ назначила установленныя для постороннихъ ученыхъ Уваровскія медали: профессору С.-Петербургскаго Университета Федору Александровичу Брауну, профессору Императорскаго Историко-Филологическаго Института Сергію Константиновичу Вуличу, профессору Университета Св. Владиміра Владиміру Степановичу Иконникову, профессору С.-Петербургскаго Университета Василю Николаевичу Латкину, профессору Московскаго Университета Алексію Петровичу Лебедеву, профессору Казанскаго Университета Дмитрію Александровичу Корсакову, Ученому Корреспонденту Историко-Филологическаго Отдѣленія Евгенію Францовичу Шмурло, приватъ-доценту С.-Петербургскаго Университета Степану Васильевичу Смоленскому, заслуженному профессору Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, командующему 44-й пѣхотной дивизіею Платону Александровичу Гейсману и Начальнику Архива Св. Синода Константину Яковлевичу Здравомыслову.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь, 1907 г. Непримѣнный Секретарь, Академикъ С. Олонецкаго.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 13.